

ПРЕДПОСЫЛКИ И НАЧАЛО ПЕРЕСТРОЕЧНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В КЫРГЫЗСТАНЕ

КАДЫРАЛИЕВА М.К.

Кыргызский национальный университет им. Ж.Баласагына

УДК.94/99(574.2)

Понятие «перестройка» весьма спорно: каждый подразумевает под ним то, что соответствует его политическим взглядам. Можно давать ему множество определений, но в самом широком смысле, перестройка – совокупность государственно – правовых, политических и социальных явлений и процессов, связанных с реформами и разрушением государственно-правовых и общественно-политических институтов советского общества, происходивших в период 1985 – 1991 годов.

Перестройка, по замыслу ее инициаторов, была направлена на глубокое обновление всех сторон жизни страны, придание социализму самых современных форм общественной организации, наиболее полное раскрытие гуманистического характера советского строя во всех его решающих аспектах – социально- политическом, экономическом и нравственном.

Каждый последующий этап развития общества в целом, его политических партий и организаций, в частности, перенимает историческую атмосферу от предыдущего. В ней будут позитивное влияние достигнутых ранее успехов и бремя недостатков, ошибок, сдерживающих движение вперед. Не было исключением и предперестроечное время советского общества, с его руководящей и направляющей силой – КПСС.

Советское государство, формировавшееся в течение 70 лет созидательным трудом нескольких поколений советских людей под руководством Компартии в условиях напряженного противоборства с капиталистическим миром, даже будучи обремененным ошибками и деформациями в экономике, социальной политике, идеологии и культуре, было сверхдержавой в мире. Оно на деле гарантировало каждому гражданину права на труд, бесплатное образование и медицинскую помощь, жилье, социальное обеспечение. Качество жизни населения было далеко еще от уровня развитых стран, но в общественном сознании и настроении господствовали оптимизм – уверенность в будущем и, что особенно важно для многонациональной страны, взаимопонимание, взаимотерпимость и мир в межнациональных отношениях. На фоне особого ритма, строительства социализма сложились особые стиль жизни, тип личности, форма культуры, проявление солидарности, отношение к тяготам жизни – страдать и побеждать, спасать и спасаться всем миром. Был построен особый, советский мир, легший на твердую почву традиций почти всех народов страны и ставший традиционным сам [1, с.279-280].

Говоря об ограниченности и провалах хрущевского проекта, об отторжении системой предпринимавшихся с середины 1960-х гг. попыток провести экономическую реформу, иностранные обозреватели изначально были весьма скептически настроены в отношении реформаторских намерений Горбачева. Сомнения вызывала сама возможность проведения каких бы то ни было серьезных изменений в системе, которая почти единодушно воспринималась как окостеневшая, полностью исчерпавшая свой потенциал и обреченная в лучшем случае на длительную стагнацию [2, с.280-281].

Изменения, если допустить возможность таковых, в этом обществе могли бы носить лишь самый поверхностный характер; предположение же, что такое государство само способно выступить инициатором серьезных реформ, казалось немислимым. Длительный период политической косности и консерватизма, в условиях которых Советский Союз прожил 20 лет (1965 – 1985 гг.), казалось, подтверждал правоту этой точки зрения. С одной стороны, «олигархия стариков», отождествлявших собственное реакционное правление со «смыслом истории», уверенный в себе аппарат, освященный и вдохновляемый «научным марксизмом», олицетворяющим «знание»; с другой – горстка

диссидентов, безрассудных оппозиционеров, осуждаемых и гонимых. А между ними – аморфная полуобразованная масса индивидов, свыкшихся с двойной моралью. В результате и советологи, и ревнители идеологической чистоты были захвачены врасплох внезапным рождением реформы, инициатором которой стал Горбачев [3, с.490-493].

Эти реформы родились не на пустом месте. Программа, принятая на XXII съезде КПСС, ориентировала советский народ на строительство коммунизма к 1980-м годам. Но время показало, что эта цель вообще не могла быть достигнута, а завышенные плановые задания порождали очковтирательство, что создавало иллюзию благополучного практического решения теоретических предначертаний партии как единственной руководящей силы. Постепенно советское общество подошло к критическому рубежу. Научно – техническая революция в ведущих странах предъявляла новые требования не только к уровню производства, но и к самому управлению. Возникли противоречия между требованиями жизни и содержаниями руководства партии, которая брала на себя несвойственные функции, подменяла хозяйственные органы [4, с.84].

Положение общества, в котором оно оказалось к началу 1980-х гг., партия назвала застоем, июньский (1987) Пленум КПСС после уточнения назвал предкризисным состоянием. Характеристика была верной, но запоздалой не на одно десятилетие. Общество и сама партия уже находились в кризисном состоянии. Оно было следствием действий механизма торможения, истоки которого имели не только марксистко-ленинские, но и покоились в далеком историческом прошлом бывшей страны Советов [5, с.3-4].

Важнейшие элементы тоталитаризма: абсолютная единоличная власть, ее изначальная аморальность и полное презрение к личности, опора на карательные силы, внешняя экспансия, великодержавные амбиции – всегда присутствовали в Российской империи, которая еще в XIX в. была феодальной страной с гипертрофированной ролью государства. Она во всей своей истории не знала правового государства и гражданского общества. В повседневной жизни людей, особенно колониальных окраин, одной из которых являлся Кыргызстан, власть и властная структура всегда значили больше, чем закон [6, с.52-53].

Экономическая сфера общественной жизни, построенная на государственной собственности на средства производства и игнорировании рыночных отношений, также имеет далеко не марксистские корни.

При этом советская экономическая система, экономическая культура, как показывают постперестроечные исследования, не ушли далеко от государственно-общинных традиций хозяйствования Российской империи, славянского и туркестанского типа экономической культуры масс. Устойчивой характерной чертой кыргызской экономической культуры, например, издревле были «стихийный коллективизм», тяготение ко вхождению в определенную группу или более обширную структуру (племя, род, колена), боязнь действовать в одиночку, на свой страх и риск, уравнилительнo-иждивенческие стереотипы, привычка к безвозмездной помощи, с одной стороны, и пассивность, апелляция к властям при экономических трудностях – с другой.

Административно-командная, централизованная система управления всеми сферами жизни общества предполагала авторитарное руководство и достаточный уровень управляемости трудовой дисциплины. На обеспечение именно этого была направлена вся система формирования и воспитания личности, которая в свою очередь также базировалась на старых традициях.

За годы социалистического развития коренного преобразования психологии людей, замкнутых на общину (в колхозы, совхозы, профсоюзы, партийные организации, трудовые коллективы), так и не произошло. Личность, «осознающая значимость своего «я», не сформировалась [7, с.10].

Таким образом, система управления, хозяйствования и система воспитания членов общества страны Советов почти ничем не отличались от старых, за исключением новых

ценностных ориентаций: интернационализма, социализма, коммунизма в далекой перспективе и т.п. Они, обеспечив значительные успехи во многих сферах жизни общества на первых порах, стали превращаться в механизм торможения при иных исторических обстоятельствах, в которые вступило человечество во второй половине XX века.

Недобрую услугу партии оказало и то, что, почти безраздельно управляя экономической сферой, она вынуждена была широко привлекать на руководящие посты партии специалистов народного хозяйства – людей, знающих нужды и потребности производства, но далеких от политических методов руководства. Кроме того курс на регулирование состава руководящих работников по полу, возрасту, национальности, региональной принадлежности отодвинул на задний план главный критерий – компетентность и способность, он открыл широкий простор для подбора кадров руководителей партийных, государственных органов и общественных организаций из числа преданных, по родству и кумовству. Не случайно в Кыргызстане, где еще сильны пережитки трайбализма, в одно время все первые секретари обкомов партии, Председатель Президиума Верховного Совета Кыргызской ССР, Председатель Совмина республики, первые руководители многих ключевых министерств и ведомств оказались соплеменниками секретаря ЦК КП Киргизии [8, с.283-284].

К компетенции республики относилось законодательство Кыргызской ССР. Но на территории СССР действовало единое союзное законодательство, которое обладало верховенством по отношению к республиканскому законодательству. Поэтому если Кыргызская ССР и принимала какие-либо законы, то они создавались на основе и во исполнение соответствующих союзных законов, зачастую просто дублируя их. Типичным примером такого законодательства была Конституция Кыргызской ССР.

Кыргызская ССР согласно Конституции должна была обеспечить охрану государственного порядка на своей территории. Но при этом следует иметь в виду, что республиканские силовые структуры (МВД, КГБ, внутренние войска) напрямую подчинялись центральным органам и их предписания, в лучшем случае лишь информируя органы государственной власти республики о своей деятельности. Противоречивой была ситуация с компетенцией Кыргызской ССР устанавливать порядок организации и деятельности республиканских и местных органов, то последнее слово всегда оставалось за центром.

Такие примеры однозначно свидетельствуют о том, что предоставленные союзным республикам компетенции на деле оказывались существенно урезанными, носили декларативный, пропагандистский характер.

Такое положение вещей сковывало инициативу союзных республик, вызывало недовольство, порождало центробежные настроения, и центр не мог с этим не считаться. Как следствие в русле реализации провозглашенных лозунгов перестройки родилась идея о заключении нового Союзного договора, в котором предполагалось расширить компетенции союзных республик, наполнить их конкретным содержанием [9, с.57-58].

Противоречие росло и в экономической сфере. Характерной чертой советской экономики был чрезвычайно высокий уровень ее милитаризации. Высшее политическое руководство СССР исходило из постулата об антагонистическом противостоянии мирового лагеря социализма и международного империализма [10].

Еще одна черта экономической системы прежнего периода – тенденция самоизоляции. Известно, что любая экономика в наше время, чтобы быть на современном уровне, должна развиваться, участвуя в международном экономическом разделении труда. В СССР экономика союзных республик долгое время действовала практически в условиях изоляции.

Наращение экономических трудностей сказывалось и на решении социальных проблем. Возникли многие аномальные явления в социальной и духовно – нравственной среде, искажались и деформировались принципы социалистической справедливости, что

подрывало в народе веру в нее, усугублялись социальное отчуждение и аморализм в разных его формах. Растущее расхождение между высокими принципами социализма и повседневной реальностью жизни стало нетерпимым [11, с.27].

Все вышесказанное приводило к обострению ситуации в народном хозяйстве, которое, несмотря на некоторые робкие попытки реформ, оказалась неспособным преодолеть возникшие трудности, обнаруживало стойкие тенденции к снижению темпов роста, застою. В предперестроечном периоде в СССР назревал глубокий экономический кризис.

Таким образом, к началу 1980-х годов в СССР, в том числе в Кыргызстане, реальная картина общественной жизни не совпадала с картиной, создаваемой пропагандистской машиной. Вызывали возмущение людей многие факты, события и поступки, не соответствующие представлениям о социализме – подлинно гуманным и справедливым обществе, усилилась социальная апатия. Механизм торможения действовал во всех сферах жизни [11, с.17-18].

Осознав все это, здоровые силы партии стали инициаторами курса на перестройку – революционное обновление общества. Выдвигая широкую программу радикальных преобразований, рассчитанную на наиболее полное раскрытие гуманистического характера социализма, партия исходила из того, что достичь этой цели можно не за счет активизации всех факторов и стимулов социального прогресса.

Литература:

1. Джунушалиев Дж. Политическая история периода перестройки // Политическая история Кыргызстана. – Б., 2001.
2. История кыргызов и Кыргызстана. – Б., 2000.
3. Верт Н. История советского государства. 1900 – 1991. – М., 1992.
4. Койчуев Т., Мокрынин В., Плоских В. Кыргыз и их предки. – Б., 1994.
5. Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Стратегия и тактика перестройки. – М., 1990.
6. Чиналиев У.К. Кыргызстан на пути к демократии трансформация политической системы. – М., 2004.
7. Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я. Стратегия и тактика перестройки. – М., 1990.
8. Джунушалиев Дж. Политическая история периода перестройки. // Политическая история Кыргызстана. – Б., 2001.
9. Чиналиев У.К. Кыргызстан на пути к демократии. Трансформация политической системы. – М., 2004.
10. Койчуев Т. Постсоветская экономика: уроки // Слово Кыргызстана 22 июня 1994 г.
11. Чогонов У.Ч. Суверенный Кыргызстан: выбор исторического пути. – Б., 1995.